

Джон Черчилль, герцог Мальборо

Л.И. Ивонина

Сейчас практически невозможно найти человека, который бы не слышал слова «Мальборо». У далеких от истории людей оно прежде всего ассоциируется с одноименной маркой сигарет. Но многие наверняка знают о том, что премьер-министр Великобритании У. Черчилль, сыгравший значительную роль в мировой политике во время второй мировой войны и после нее, происходил из рода Мальборо. Здесь же пойдет речь о знаменитом предке английского премьера, ставшем своеобразным мифом этого рода, — британском полководце и политике конца XVII — начала XVIII вв. Джоне Черчилле, первом герцоге Мальборо.

В мировой литературе о Мальборо и его эпохе написаны сотни книг, первые из которых вышли в свет еще при жизни герцога. Независимо от политических пристрастий и научных направлений авторов этих работ, большинство из них и по сей день носят довольно апологетический характер. Мальборо предстает прежде всего великим полководцем, дипломатом и национальным героем, внесшим огромный вклад в развитие новой Англии, защиту ее конституционных принципов и быстрый рост влияния и силы на международной арене. Мало кто из англичан достиг одновременно таких высот полководческого и дипломатического искусства: знаменитый адмирал Нельсон сражался на море, а командующий союзной армией в битве при Ватерлоо в 1815 г. герцог Веллингтон лишь благодаря случаю одержал победу над Наполеоном. Но в данном случае совсем не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что практически все жизнеописания Мальборо вплоть до XX столетия основывались на первых сочинениях о нем, принадлежавших перу известного английского священнослужителя, ученого, пропагандиста вигской политики, верховного капеллана английских войск на континенте во время войны за испанское наследство, его преданного друга и защитника Ф. Хэя. В октябре 1704 г. Хэя написал памфлет «Краткий обзор кампаний в Германии 1704 г. под руководством Его Светлости герцога Мальборо, капитан-генерала войск Ее Величества», а в августе 1705 г. появилась первая биография герцога «Жизнь и славная история Джона Мальборо, князя Империи, капитан-генерала союзных сил и т.д.». В 1706 и 1711 гг. были

опубликованы вторая и третья части биографии, в которые были добавлены другие «славные кампании» полководца и защита его принципов и методов ведения войны¹. Эта большая работа с претензией на абсолютную объективность заканчивается 1711 г. и отражает титанические усилия генерала в течение десяти лет войны, опуская его дальнейшую отставку как «неблагоприятный конец великой карьеры на английской службе». В 1712 г. биография Мальборо по инициативе вигов была переведена на голландский и французский языки, затем переиздана в Амстердаме и таким образом распространялась на континенте². Она стала частью европейской пропаганды деяний герцога и образцовым сочинением о патриоте и рыцаре без страха и упрека. Эту работу активно использовали биографы Мальборо и историки войны за испанское наследство от Т. Ледьярда, выпустившего в 1736 г. трехтомную биографию герцога, до Т. Маколея, Дж. Тревельяна и, наконец, У. Черчилля³.

Все эти сочинения, за исключением объемистого труда английского премьера, написаны в духе вигской традиции, где история нации рассматривается как история политических усилий одной партии, деятельность Мальборо — как начало британской военной традиции, а мир в Утрехте 1713 г., вслед за епископом Г. Бернетом, автором «Истории моего времени», — как постановка сценария в духе стюартовско-католической Реставрации. Вигское видение истории вполне оправданно подверглось критике в начале 30-х гг. XX в. Г. Баттерфилдом, но сам Мальборо здесь был задет немножко⁴.

Пожалуй, в Великобритании нет ни одного человека, который бы не читал принадлежащий перу У. Черчилля трехтомный труд «Мальборо, его жизнь и время», основанный также на семейных документах родового гнезда Мальборо — дворца Бленхайм. Эта работа, опубликованная в 1933—1938 гг., — самая популярная в мире биография герцога Мальборо XX столетия, переведенная на многие языки мира⁵. Вообще эта книга была призвана продемонстрировать роль военного фактора в истории, но вместе с тем показать, что политический и военный гений Мальборо не смог бы ничего сделать, если бы в том не было исторической необходимости. Сэр Уинстон был рационалистом и поэтому понял, в чем заключается главная суть славы его великого предка. Он не только продолжил его мифологизацию, но и параллельно направил дальнейшее поколение английских биографов Мальборо на более объективное и многоплановое рассмотрение личности и деятельности этого человека.

Конечно же, далеко не все отзывались о знаменитом герцоге столь положительно. Относившийся к числу его сторонников виг лорд Семерс утверждал, что «его амбиции безграничны, а алчность неутолима». Английские просветители Дж. Свифт, Д. Дефо, и даже ярчайший представитель вигской традиции Т. Маколей критиковали Мальборо в том смысле, что этот «славный генерал любил не только воевать, но и грабить». Его обвиняли в предательстве национальных интересов Англии на завершающем этапе войны за испанское наследство⁶. Примечательно, что Наполеон Бонапарт не включил британского военачальника в число выделенных им знаменитых полководцев в истории: «Истинные правила ведения войны это те, которыми руководствовались семь великих полководцев, подвиги коих сохранила для нас история: Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, принц Евгений и Фридрих Великий»⁷. Возможно, плененный на Святой Елене император и таким образом выразил свою неприязнь к англичанам, один из которых в конечном итоге одержал над ним победу у бельгийской деревни.

В настоящее время герцог Мальборо рассматривается как талантливый полководец и политический деятель, бесстрашный военный гений и беспримерный карьерист, сложная личность, в которой параллельно уживались патриотизм и инстинкт самосохранения, отчаянность и жажда наживы. Современные английские оценки Мальборо как личности в целом совпадают с более критической в этом вопросе европейской и американской историографией, однако на чаше весов его деятельности военные достижения значительно перевешивают ряд негативных личностных характеристик⁸. Он —

Ивонина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного педагогического университета.

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования Российской Федерации (Конкурс гуманитарных грантов 2002 г.).

один из столпов британской истории, заслуги которого нельзя опровергнуть или переоценить. В европейской же историографии даже военные достижения Мальборо иногда подвергаются ревизии. Нередко отмечается, что военная карьера герцога была тесно связана и даже зависела от сотрудничества с имперским главнокомандующим Евгением Савойским⁹.

Говоря о герцоге Мальборо, мы не будем акцентировать внимание исключительно на его военных и дипломатических успехах. Война за испанское наследство 1701—1714 гг. выдвинула кроме него целую плеяду талантливых полководцев — упомянутого Наполеоном принца Евгения Савойского, французских маршалов Бервика, Вандома, Виллара и др. Помимо всего прочего, Мальборо являлся ловким и гибким политиком нового времени. воспитывавшийся в семье роялистов и тори, он умел в меняющихся исторических условиях пересматривать свои позиции. Как известно, его достойный потомок У. Черчилль дважды переходил из одной политической партии в другую.

Вообще на появление на исторической сцене Англии и Европы такой личности как Мальборо во многом повлияла эпоха. В «век революций» и первых общеевропейских войн XVII — начала XVIII вв. Англия несомненно должна была выдвинуть на международную арену талантливых политиков и полководцев. В английской историографии со свойственным ей и по сей день англоцентризмом войну за испанское наследство чаще всего называют «войной Мальборо», во многом опираясь, впрочем, на мнение современников полководца: «Война Мальборо была не просто результатом национальных амбиций или территориальных планов, а войной за жизнь и свободу не только Англии, но и всей протестантской Европы»¹⁰. Хотя это высказывание и ограничено конфессиональными рамками, в нем верно подмечено, что военные и политические деяния Мальборо принадлежат всему континенту. Для своего времени этот англичанин был самым известным человеком в Европе.

В 1650 г. в семье джентльмена-роялиста Уинстона Черчилля из Хэртфордшира (Восточная Англия) и леди Элизабет Дрейк, одним из предков которой был известный пират елизаветинской эпохи Фрэнсис Дрейк, родился старший сын Джон. Отец будущего герцога был активным роялистом, а после Реставрации на английском престоле Карла II Стюарта (1660) стал членом парламента и управляющим королевским имуществом. Семья же матери в гражданских войнах середины столетия находилась на стороне парламента и Кромвеля, что, однако, не помешало счастливому браку Уинстона и Элизабет.

Детство Джона нельзя было назвать спокойным и безоблачным. При Кромвеле жизнь отца постоянно находилась в опасности, а семья не раз оказывалась на пороге бедности. Очевидно, это наложило свой отпечаток на характер формирующейся личности Джона, отличавшегося впоследствии крайней мнительностью, непомерными амбициями и сребролюбием. По мнению ряда европейских историков, впоследствии Мальборо даже имел тенденцию к маниакально-депрессивному состоянию¹¹. Но, скорее всего, он уже тогда понял, что быть гонимым — опасно для жизни и вредит здоровью, что необходимо делать карьеру при существующем в настоящий момент правителе. Поэтому он процветал при дворе Карла II, предал Якова II и сотрудничал с Вильгельмом III Оранским.

Карьере молодой Джон делал на редкость быстро. Появившись при дворе в 14 лет, он сразу попал в окружение брата короля Якова Йорка и стал одним из любимцев последнего. Такое молниеносное возвышение произошло не только благодаря дипломатическим талантам и внешности молодого карьера. В принципе, он умел служить, не теряя своего «я». На портрете 1700 г. это уверенный в себе человек, излучающий силу и превосходство. Джон Черчилль был среднего роста, но при этом имел статную фигуру военного и умел элегантно одеваться. Его лицо, не отличавшееся абсолютной правильностью черт, было исключительно выразительным и мужественным. Казалось, весь мир создан для него. Возможно, так оно и было, поскольку с

ранней молодости он умел вызывать уважение окружающих, а также любовь и покровительство представительниц прекрасного пола. Джону не было еще и 20 лет, когда он стал любовником одной из красивейших дам королевского двора герцогини Кливленд, которая научила его искусству любви, быть галантным в общении с людьми и разбираться в моде. Впоследствии в пылу политической борьбы противники Мальборо заявляли, что он начинал карьеру в качестве «жиголо» весьма состоятельной особы, которая была старше его по возрасту¹².

Для той эпохи не являлось из ряда вон выходящим то, что возвышению Джона Черчилля во многом способствовали женщины. Однако успех прежде всего выпал на долю его старшей сестры Арабеллы. В своей интересной работе об Уинстоне Черчилле В. Г. Трухановский привел цитату американского историка Л. Брова о том, что «Черчилли, как и другие герцогские фамилии, обязаны своим первоначальным взлетом падению женщины». Бесцветная, высокая, тощая фрейлина герцогини Йоркской Арабелла Черчилль поначалу находилась на заднем плане. Но однажды во время прогулки верхом ее лошадь пустилась в галоп, и Арабелла упала, потеряв при этом сознание. Молодая женщина лежала в весьма небрежной позе, и подоспевший первым оказать ей помощь Яков Йорк увидел ноги такой изумительной красоты, что даже растерялся. Подъехавшая тем временем свита также была поражена этим открытием. Так очнувшаяся и ничуть не пострадавшая Арабелла опровергла неблагоприятное мнение о своей персоне, а герцог Йорк не на шутку в нее влюбился¹³. Арабелла стала любовницей будущего английского короля Якова II, лишенного трона в результате Славной революции 1688 г., и родила ему четырех детей. Один из них — Джеймс Фитцджеймс, герцог Бервик, последовал за отцом в изгнание во Францию, и впоследствии сделал блестящую карьеру при дворе Людовика XIV, став одним из самых выдающихся французских маршалов в годы войны за испанское наследство. По иронии истории племянник и дядя оказались в разных политических лагерях.

Несмотря на то, что молодой Черчилль находился в фаворе у принца-католика, против наследования короны которым выступали виги в палате общин (бильль «Об исключении...» 1679 г.), он был популярен в среде обеих политических партий. Не теряя достоинства, он обладал удивительной гибкостью и дипломатичностью, и, кроме того, был сдержан, храбр и умел создавать впечатление, что на него всегда можно положиться. Ему доверяли. Черчилль делал быструю военную карьеру и умел справляться с самыми деликатными дипломатическими поручениями. В 1682 г. Джон совершил вояж на континент с целью получить денежные субсидии от французского короля для Карла II и его брата, чтобы те могли успешно бороться с вигской оппозицией¹⁴.

Ранним утром 13 июня 1685 г. два всадника скакали по направлению к Уайтхоллу. Они уже преодолели 200 миль и испытывали сильную жажду. Их главной целью было как можно скорее доставить важное письмо от майора Л. Региса члену парламента и слуге короля сэру Уинстону Черчиллю, в котором говорилось о высадке на берегах Альбиона с трех иностранных кораблей полуторатысячной армии. Так начиналось поддержанное вигами восстание незаконного сына Карла II герцога Монмута, имевшее целью посадить его на трон и тем самым обеспечить протестантское престолонаследие в Англии. Сэр Уинстон и его сын капитан Джон были первыми, кто узнал об этом, и не замедлили сообщить о происшедшем королю. В определенном смысле благодаря своевременному известию и участию в борьбе против Монмута самого Джона Черчилля это восстание было подавлено. Только что взошедший на английский престол Яков II Стюарт остался благодарным за эти услуги и сделал капитана Черчилля бароном и пэром Шотландии¹⁵.

Второй женщиной, способствовавшей карьере будущего герцога Мальборо и ставшей его другом на всю жизнь, была его жена Сара Дженнингс, красивая придворная дама второй дочери Якова Йорка Анны Стюарт. Дженнингсы, как и Черчилли, были роялистами во время гражданских войн в

Англии середины XVII века. Джон женился на Саре в 1678 г. и прожил с ней всю жизнь. Между супругами установились исключительно близкие духовно-интеллектуальные отношения. Сара занимала особое место в жизни Джона, была его лучшим советником, активно вмешивалась в политику и очень долгое время являлась лучшей подругой Анны Стюарт, ставшей королевой Англии после смерти Вильгельма III в 1702 году. Собственная жена была неотъемлемой частью величия Мальборо, и одновременно одной из причин его падения.

Супруги не были лишены чувства юмора. Джон в шутку часто отзывался о Саре, как о «худшей женщине на земле», а его жена в том же духе отвечала: «Вы самое лживое создание для меня на этом свете». В действительности же Сара являлась для Джона, как он сам писал ей, «любовью, комфортом, вдохновением и... чумой». Жена Черчилля выглядела очень соблазнительной особой, хотя первой красавицей при дворе считалась ее родная сестра Фрэнсис. Но, как отмечали современники, она имела дух и темперамент, которые редко встречаются в женщине. Сара обладала чрезвычайно энергичным и властолюбивым характером, твердой волей и незаурядным умом. Эта блондинка с огромными голубыми глазами буквально окружала пеленой своего обаяния любого собеседника, словно привораживала его. Единственный, кто мог сопротивляться этому, был Джон, за что она и обратила на него внимание¹⁶. По сути же супруги составили идеальную пару: были исключительно умны, чрезвычайно любили деньги и стремились к вершинам власти.

История беспощадна по отношению к людям в том, что в свои самые ответственные и переломные моменты перед каждым конкретным человеком ставит прямой вопрос: как жить дальше? В преддверии высадки голландского статхудера на берегах Альбиона преуспевающий Джон Черчилль столкнулся с дилеммой, возникшей перед всеми тори: на чью сторону встать в неизбежном противостоянии — своего благодетеля Якова II или принца Оранского? Недавний барон пока еще недолюбливал вигов и был семейными узами тесно связан с домом Стюартов. Но вместе с тем он являлся убежденным приверженцем англиканской церкви, беспримерным карьеристом и, что самое важное, человеком, видевшим дальше многих своих современников. Черчиллю не нравилось, что католики получили исключительную власть в королевстве, что Англия установила тесные связи с Римом и находится в финансовой и моральной зависимости от Людовика XIV. Но, скорее всего, он понял, что падение нынешнего короля неизбежно: значительная часть тори уже перешла на сторону Вильгельма Оранского.

Поэтому в ноябре 1688 г. уже генерал-лейтенант и главнокомандующий армии Якова II Джон Черчилль собирает военный совет, после чего, сопровождаемый 400 всадниками, спешно едет к армии. Он делает предложение офицерам и солдатам не препятствовать голландской экспедиции. Возражений почти не было. Таким образом, Черчилль внес свой весомый вклад в то, что Славная революция началась мирно и проходила в довольно спокойном ритме.

Любопытно, что перед окончательным выбором Джон написал письмо королю, в котором объяснял причины своего поступка. Он скромно заметил, что не надеется получить от Вильгельма так много, как получил от Якова, но сейчас наступил именно тот момент, когда высокие принципы превалируют в политике более чем личные интересы. Под письмом стояла подпись: «Самый обязательный и послушный придворный и слуга Его Величества». Неизвестно, как в душе отреагировал на это король. Раньше для Черчилля открытый цинизм не был характерен. Яков II лишь приказал арестовать леди Черчилль, но было уже поздно¹⁷.

«Это одна из наиболее странных катастроф, когда-либо случавшихся в истории», — писал Г. Бернет о «неожиданной революции» 1688 г., лишившей трона короля Якова. Обе палаты Конвенционного парламента — палата лордов и палата общин 1689 г. были единодушны в характеристике этого события, как «чудесного освобождения от папства и рабства», а позднее в «Билле-

о правах» нашло свое отражение положение о «божественном провидении». Вообще ряд представителей современных постревизионистских концепций вигского направления рассматривают Славную революцию в качестве особого исторического феномена и придерживаются мнения, выраженного еще в 1688 г. одним английским политиком: «Прежде чем желание нации осуществилось, произошло несколько случайных и непредсказуемых событий, приведших к революции»¹⁸. Здесь подразумевались отмена Нантского эдикта во Франции в 1685 г., обострившая религиозно-политическую ситуацию в Европе, «Декларация о веротерпимости» 1688 г. в Англии, выпущенная Яковом II, да и сама вооруженная экспедиция голландского статхудера на Альбиона. Такое мнение основывается на том, что в Англии никто тогда не был способен выступить против существующей власти: тори боялись гражданской войны, виги были разгромлены еще в 1685 г., католики и большинство нонконформистов поддерживали Якова. Но основываясь на том, что в Англии конца 80-х гг. XVII в. никто не был способен на восстание, интерпретировать Славную революцию как чисто случайное событие будет неточным. Примечательно, что придерживавшийся в прошлом консервативного направления, а ныне подвергший свои взгляды ревизии, известный английский историк Х. Тревор-Рoper считает, что база Славной революции была подготовлена событиями 1640—1660 гг. и дальнейшим развитием Англии и Европы второй половины XVII в., так как мировоззрение англичан, принимавших участие в событиях 1688 г., формировалось в середине столетия¹⁹. В принципе, Славная революция, являясь и «делом провидения», и включавшая в себя немало случайных моментов, была естественной «уточняющей революцией» с наличием весьма сильного, можно сказать, определяющего и катализирующего внешнего фактора — экспедиции Вильгельма Оранского.

Революция 1688 г. в Англии породила немало внутренних и внешних проблем. В первую очередь, это политические и экономические трудности формирования первого правового государства нового времени, тесно связанные с необходимостью защиты протестантского престолонаследия от внутренних и внешних врагов; во-вторых, страна была вовлечена в борьбу с Францией за политическое и экономическое преобладание в Европе, слившейся с сопротивлением европейских государств имперским амбициям Людовика XIV. Эта борьба вылилась в две великие войны — Девятилетнюю (1688—1697) и войну за испанское наследство.

Так или иначе, Вильгельм Оранский оценил переход в его лагерь командующего армией короля-католика. Черчилль остался в ранге генерал-лейтенанта, а в 1689 г. получил титул герцога Мальборо. Поначалу он был активно задействован в Девятилетней войне, связанной французским королем в Европе в 1688 г., успешно осуществляя операции английских войск во Фландре. В 1690—1691 гг. Мальборо вместе с Вильгельмом III участвовал в ирландском походе.

Карьера практически любого политика не проходит без срывов. В январе 1692 г. Мальборо был внезапно смешен королем со всех своих постов, арестован и заключен в Тауэр. Позже многие современники, и за ними английские историки говорили о «неисторическом характере обвинений против Мальборо», имея в виду прежде всего связи его жены²⁰. Конечно, здесь сыграла свою роль тесная дружба герцогини Мальборо с принцессой Анной Стюарт. Но причина опалы заключалась не только в этом.

Поскольку Вильгельм III был бездетным, в английском парламенте по-прежнему шла непрерывная борьба по вопросу о престолонаследии. Виги единодушно утверждали, что трон никогда не будет вакантным для католиков — наследников Якова II. Многие тори единственное конституционное решение проблемы видели в объявлении Вильгельма Оранского регентом при отсутствующем в стране монархе, дети которого имеют право наследовать престол. А тори-сторонники свергнутого Якова получили кличку «якобиты» и отказались принять новый режим в целом. Мальборо их серьезно и не воспринимал, но был замечен в связях с якобитами и поддержал требова-

лиц принесения клятвы верности Вильгельму и отречения от Стюартов. А 4 мая того же года Англия и Соединенные Провинции объявили войну Франции, чтобы «сохранить свободу и баланс сил в Европе, уничтожив гегемонию одного государства». В годы войны Британия становилась арбитром Европы, а Мальборо был призван заложить под это прочный фундамент. Так он стал вторым человеком после короля в Англии. 31 мая 1701 г., еще до официального объявления войны, Мальборо был утвержден командующим союзными войсками на континенте (с жалованьем 10 ф. ст. в день), а 28 июня выехал в Гаагу в качестве чрезвычайного и полномочного представителя английского монарха. Он имел инструкции договориться с французами о запрете нарушать границы Соединенных Провинций, сохранении «голландского барьера» и английских торговых привилегий в испанских владениях, а также, «насколько это возможно», удовлетворить протесты императора. Параллельно он готовил почву для заключения Великого союза, который фактически стал делом его рук, успехом его дипломатии. И, как можно было ожидать, переговоры с французами окончились безрезультатно²⁵.

Людовик XIV обладал превосходной армией, насчитывающей 400 тыс. солдат, плюс испанские, южноамериканские и итальянские ресурсы. Одно из крупнейших немецких княжеств — Бавария — была его союзником. В предверии и в начале войны престол Святого Петра смотрел на действия французского монарха с явным одобрением. Кто мог ему серьезно воспрепятствовать? Голландцы с их армией в 40 тыс. человек? Леопольд I, зависевший от поддержки немецких князей? Англичане с их противоречивым парламентом?

С наступлением войны начался новый этап борьбы английских политических партий. Для вигов победа в войне означала торжество принципов Славной революции 1688 г.; якобиты и крайние тори надеялись осуществить повторную реставрацию Стюартов. Признание французским королем Претендента (Якова III) привело к поддержке войны умеренными тори, надеющимися, что она продлится недолго. По мнению Мальборо, принадлежавшего к этой группе, это была опасная линия, но другого выхода для него как политика пока не существовало²⁶. С началом военных действий изменились и его политические пристрастия: долгое пребывание на континенте в качестве представителя английской короны и главнокомандующего существенно расширило его взгляды. Он лучше владел ситуацией, поскольку находился в самой гуще политических и военных событий. В 51 год этот человек достиг пика своей карьеры. К тому же его пост открывал широкую возможность личного обогащения за счет государственной казны, что в немалой степени облегчалось назначением на пост министра финансов лорда Годолфина.

Непосредственно перед объявлением войны Франции Вильгельм III столкнулся с обстоятельством, которое обострило его болезнь, вызванную падением с лошади в феврале 1702 года. Это было принятое торийским большинством в парламенте положение о наследовании престола Анной Стюарт, затруднившее возможность немедленной передачи всех государственных дел в руки вигов, чего больше всего желал умирающий английский король. Анна была ревностной тори, а Вильгельм опасался за будущие результаты войны на континенте для Англии. Оставалась одна надежда на Мальборо. 2 марта 1702 г. Вильгельм Оранский умер, но герцог на протяжении всей войны продолжал политическую стратегию короля в чрезвычайно сложных для Англии внутренних и внешних условиях. Ему это долго удавалось, поскольку он мог влиять на королеву через посредничество жены и Годолфина. Выйдя на трон, Анна сразу же призвала в свое правительство Мальборо и Годолфина. Военным министром тогда стал знаменитый Генри Сент-Джон, лорд Болингброк, в будущем английский просветитель, автор известных «Писем об изучении и пользе истории»²⁷.

В жизни Мальборо Анна Стюарт стала третьей женщиной на пути его восхождения. Королева получила плохое образование, была интеллектуально ограниченной, слабохарактерной, нездоровой и некрасивой особой. Она долгое

время слепо восхищалась талантами своего умного министра и доверяла ему, пока ее фавориткой являлась жена герцога Сара. Вообще притворство, скрытность, своеенравие этой королевы, все симпатии которой были на стороне тори, смягчались и уживались в ней с подчинением воле какой-нибудь придворной дамы, превращавшейся в весьма влиятельное лицо при дворе. Последней с 1683 г. являлась Сара Дженнингс-Мальборо, с которой Анна делалась необыкновенно мягка и покорна. Пока королева поддавалась обаянию герцогини, Мальборо мог управлять положением дел в стране.

Но влияние Мальборо на внутрианглийские дела не только зависело от военных побед на континенте и покровительства королевы. На протяжении войны его политические позиции все более смешались в сторону вигов. Уже в начале XVIII в. торийский парламент был вынужден пойти навстречу политическим планам этой партии. Было принято решение об увеличении численности армии, проведены акты, направленные против Претендента и обеспечение протестантской линии престолонаследия. Все это предвосхищало триумф вигской партии в будущем. В 1702—1714 гг. шел постепенный процесс перехода власти от тори к вигам, приведший к краху крайних тори (фракция лорда Рочестера), вошедших в состав коалиционного кабинета в начале войны. А перипетии военных действий отражались на постоянной смене вигских кабинетов торийскими и наоборот. Главой кабинета в начале войны стал виг лорд Сомерс, а Мальборо вместе с Годолфином управлял Англией до 1708 года.

Между тем, война диктовала свои условия. Англии пришлось не только дать командующего союзными силами, но и оплачивать военные действия из собственного кармана. Это потребовало крайнего напряжения людских и материальных ресурсов. Однако многие денежные суммы были предоставлены в долг под огромные проценты (например, Леопольду I), что впоследствии способствовало усилению позиций финансовой верхушки королевства. В 1702 г. на театр военных действий в Испанские Нидерланды из Англии была послана армия в количестве 52 тыс. человек (из них 31 тыс. являлись иностранными наемниками) и выделено субсидий на военные цели в размере 900 тыс. ф. ст. В 1712 г. субсидии достигли суммы 1 527 112 ф. ст.²⁸.

В антифранцузском лагере было неспокойно. В первую очередь большой опасности подвергалась маленькая Голландия, союзник Англии. Великий Пенсионер Хейнсиус постоянно подозревал коалиционное английское правительство в ограниченности его политических задач на континенте. Мальборо все время приходилось прикладывать немалые дипломатические усилия, чтобы успокоить его, о чем наглядно свидетельствует его переписка с Хейнсиусом. Накануне кампании 1702 г. герцог писал Великому Пенсионерию: «Вы увидите, что я джентльмен, и как джентльмен обещаю действовать в интересах Голландии. Для общего успеха я сделаю все от меня зависящее»²⁹. Любопытно, что Мальборо-дипломат в литературе иногда оценивается выше, чем Мальборо-полководец. Для того, чтобы руководить разношерстной коалицией в экстремальных условиях, он использовал лесть и обман в одних случаях, придики и угрозы в других. Несомненно, многое на войне давалось ему ценой больших умственных, дипломатических и финансовых усилий.

В принципе, назначение Мальборо главнокомандующим союзными войсками было вполне оправданным решением покойного короля Вильгельма Оранского. Война на протяжении 1702—1710 гг. была его войной. Как отметил в будущем его политический противник лорд Болингброк, «... Мальборо встал во главе армии и фактически во главе конфедерации, в которой он, новый и частный человек, поданный, приобрел благодаря своим достоинствам и умелому руководству более решающее влияние, чем то, каким обладал король Вильгельм благодаря высокому рождению, признанному авторитету и даже короне Великобритании. Не только более сплоченным и целостным стал огромный механизм Великого союза, ... все театры военных действий пришли в энергичное движение. Все те, на которые он являлся лично, и многие из тех, где он выступал... как вдохновитель, были свидетелями поистине триумфаль-

ных успехов»³⁰. Победы английского полководца при Бленхайме (1704), Ра- мильи (1706), Оденарде (1708), Мальплаке (1709) в английской истории ста- ли легендарными. Подобно Кромвелю, с которым его не раз сравнивали и потому боялись, он обладал гениальной военной интуицией, которая позво- ляла ему выступать против значительно превосходящих сил и побеждать. Он был агрессивен и храбр, но не порывист, и это было ключом к его военным успехам.

В начале своей первой кампании на континенте 1702 г Мальборо распо- лагал реальной властью только над английскими войсками. У голландцев и немцев были свои честолюбивые военачальники, не желавшие попасть под полный контроль англичан. Согласовывать военные действия было сложно, и герцог настаивал в Гааге на общем командовании объединенными силами, которые в количестве 30 батальонов и 36 эскадронов он предполагал перебросить на Нижний Рейн. Голландцы же хотели защищать прежде всего свою территорию, поскольку французский маршал Буффлер уже находился вбли- зи границ Соединенных Провинций. В отличие от многих английских иссле- дователей, французские и немецкие историки склоняются к тому, что первые три года войны были все же отмечены французским превосходством. В Италии (Савойя) большинство побед в это время принадлежало герцогу Вандому, в Нидерландах маршал Буффлер стремительно продвинулсся до самого Нимвегена (июнь 1702 г.), в ноябре того же года Людовик XIV назначает Макса-Эммануэля Баварского статхудером Испанских Нидерландов³¹. Но вскоре положение несколько исправляется. Голландские генералы согласи- лись двинуться в сторону Брабанта, и кампания 1702 г. прошла довольно согласованно. Первые победы между Маасом и Рейном сняли угрозу захва- та Соединенных Провинций, появились возможности для активных дей- ствий в Германии. Кампания 1703 г. повторила предыдущую, несмотря на некоторые затруднения во Фландрии.

Тем временем положение Филиппа Бурбона в Испании становится все более шатким. В декабре 1703 г. Португалия вступила в Великий союз и открыла свою территорию и территорию Бразилии для британской торговли. Это позволило имперскому претенденту на испанский трон эрцгерцогу Карлу под именем Карла III прибыть в Лиссабон на английских кораблях в марте 1704 г. и двинуться по направлению к Мадриду. Только срочно по- сланный французским королем с 12-тысячной армией в Испанию герцог Бервик остановил продвижение «второго» испанского короля. Тем не ме- нее, победы в Средиземном море адмирала Рука и взятие им Гибралтара позволили англичанам вторично высадить Карла III в Испании и захватить Жерону и Барселону.

Но война между Рейном и Дунаем вначале определенно развивалась в пользу Франции. Мальборо был пессимистически настроен, когда в декабре 1703 г. посетил Лондон, откуда он писал Хейнсиусу: «Если мы не будем сильнее в следующей кампании, Франция может победить нас»³². Зимой 1703 г. семья Мальборо переживает еще одно тяжелое испытание — умирает единственный оставшийся в живых наследник герцога (старшего сына он потерял еще младенцем), и он еле успевает прибыть в Лондон, чтобы побывать еще несколько часов у его смертного одра. Сара была в отчаянии, но Джон, найдя в себе силы, утешал ее тем, что у них есть дочери, о которых следует позаботиться. Переживания полководца отразились и в его корреспонденции. В апреле 1704 г. он писал жене из Голландии: «Люби меня, это делает меня сильнее... В этом мире больше горестей, чем счастья»³³. Война помогла Мальборо преодолеть боль от потери сыновей. Он стал готовить планы большой союзной кампании в Империи. Военная удача у Маастрихта, проведен- ная по всем правилам осада Бонна и успехи имперского главнокомандующе- го Евгения Савойского в Ломбардии в начале 1704 г. вдохновили Мальборо. Его стратегия основывалась на том, чтобы, не вступая в крупные сражения, сначала разрушить французские военные укрепления на Рейне, сооружен- ные по проекту талантливого инженера Вобана, а затем провести массиро-

ванное наступление и завоевать земли союзников Франции. Мальборо пла- нировал двинуть армию в Южную Германию, вместе с принцем Савойским провести кампанию на Мозеле и Дунае, захватить территорию Баварии и тем самым выйти из серьезной игры главного союзника Людовика XIV бавар- ского курфюрста Макса-Эммануэля. Голландцы продолжали настаивать на проведении кампании во Фландрии, немецкие союзники — в Пфальце. Только Мальборо понимал, что Бавария была ключом к войне в Германии. В острых дискуссиях в Гааге планы союзного главнокомандующего, наконец, были одобрены.

Знаменитый «поход на Дунай», в результате которого Мальборо полу- чил европейскую известность и признание, начался маршем на юг 5 мая 1704 года. Через три дня союзники достигли Кобленца, где английский полково- дец впервые встретился с имперским главнокомандующим принцем Евгени- ем Савойским. Он увидел маленького человека, боль- ше похожего на монаха, чем на солдата, но вскоре по- следний сумел завоевать его расположение и они стали понимать друг друга с по- луслова. С этого времени история дает нам яркий и редкий пример дружбы и сотрудничества двух вели- ких героев и политиков. Между ними на всем про- тяжении войны существова- ло тесное взаимопонимание. При этом манеры, внешний вид и особенно характеры этих двух людей существен- но различались. Мальборо был храбр, но расчетлив, а Евгений, внучатый племян- ник фактического правите- ля Франции в 1643—1661 гг., Мазарини, являлся страст- ной и героической натурой. Но оба они, обладая умом государственного масштаба, прекрасно дополняли друг друга: Евгений сразу при- жал за Мальборо верховное командование, а последний не принимал серь- зных решений без мнения главы имперских сил³⁴.

Оба полководца договорились удерживать от французов Рейн, пока один из союзных генералов маркграф Людвиг-Вильгельм Баденский не присоеди- нится к ним, а затем они все вместе собирались последовать в Баварию. По пути не обошлось без трудностей. Неуживчивый по характеру маркграф же- дал скорректировать планы Мальборо относительно Баварии: он выступал против прямого захвата ее территории и за переговоры с Максом-Эммануэ- лем. Компромисс не был найден, и недалеко от Аугсбурга Людвиг-Вильгельм покинул со своим 10-тысячным войском союзную армию. Любопытно, что тогда как Евгений Савойский горячо осуждал маркграфа Баденского и за- сомневался в успехе предприятия, английский командующий не тратил вре- мя на комментарии происшедшего и обосновывал дальнейшее продвижение на юг военной необходимостью³⁵.

Вечером 12 августа 1704 г. союзники подошли к небольшому селению Бленхайм, недалеко от которого уже расположилась лагерем франко-бавар-

кая армия. Противник располагал 78 батальонами и 143 эскадронами общей численностью 55 тыс. человек, Мальборо и принц Евгений — 66 батальонами и 160 эскадронами (около 45 тыс. человек). 13 августа Мальборо одержал здесь одну из своих самых значительных побед. Общие потери армии Людовика XIV составили 30 тыс. человек. Было взято в плен 11 тыс. и захвачено 150 орудий. Победители же потеряли 11 тыс. солдат (по данным самого Мальборо — 10 тыс.)³⁶.

Восхищение современников вызвал сам английский главнокомандующий, который лично принял участие в битве во главе пяти эскадронов. Хэз пишет в его биографии: «Милорд Мальборо был повсюду на самых опасных участках сражения. Один раз ядро пролетело между ног его лошади, забрызгало грязью его лицо и одежду, но, благодаря Богу, он не получил ни царапины». Для Мальборо, согласно Хэзу, «эта битва была полной победой на всех фронтах»³⁷.

Лондон отпраздновал это событие с большой помпой. Мальборо стал национальным героем, получив личную благодарность королевы, безоговорочное доверие вигов и денежный подарок от Сити в размере 1 млн ф. ст., который пошел на сооружение «монумента славы» дворца Бленхайм в Вудстоке, выстроенного в честь победы на Дунае. Кроме того, император наградил герцога имением Миндельхайм и даровал титул князя Священной Римской империи. Впрочем, имение было утрачено в результате Уtrechtского мира 1713 г., но титул, связанный с ним, до сих пор принадлежит потомкам герцога. Последним также была установлена пенсия в 4 тыс. ф. ст., которая выплачивалась в течение 173 лет, пока права на нее не были выкуплены государством³⁸.

Значение победы при Бленхайме было весьма весомым для всего континента. Марш французов и баварцев на Вену остановлен, Бавария оккупирована, угроза завоевания Империи предотвращена. Примечательно, что известный немецкий историк К. фон Аретин высказался по этому поводу в том смысле, что «в этот день принц Евгений и Мальборо сохранили Империю на целое столетие». Так или иначе, но военные действия отныне уже не развивались на территории наследственных земель Габсбургов, а в самой Империи изменилось соотношение сил, связанное с потерей былого значения и влияния на императора баварских курфюрстов. Международный авторитет Великобритании и ее главнокомандующего неизмеримо вырос. На внутриполитической жизни Англии эта победа отразилась сильным ударом по позициям якобитов и крайних тори, возглавляемых лордом Рочестером. Они теряют много сторонников, а Мальборо окончательно рвет некогда теплые отношения с Рочестером. Авторитет вигов, поддерживавших военные действия (лорды Сандерленд, Уолпол, Сомерс, Галифакс, Купер), стремительно рос. Весной 1705 г. виги получили право формирования кабинета министров, и с подачи Мальборо «умеренные» тори вступают с ними в союз. Политика «дуумвирата» продолжается, а Мальборо и его супруга, заинтересованные в дальнейшем продолжении войны и, соответственно, личном влиянии и обогащении, все больше склоняются на сторону вигов, из-за чего королева Анна начинает постепенно охладевать к Сэр Мальборо³⁹.

На континенте же герцогу много приходится заниматься проблемами дипломатического характера. Он умело распределяет доверенные ему войска голландцев и немецких союзников по фронтам, постоянно устранивая ссоры между их командующими, чаще всего, правда, с помощью английских субсидий, своевременно определяет перспективу развития международной ситуации и предотвращает ее неблагоприятные последствия для Англии. Так, Мальборо усмотрел тесную взаимосвязь между войной на Западе и Северо-Востоке Европы. Когда в 1704—1706 гг. Петр I пожелал вступить в Великий союз он столкнулся с противодействием Мальборо, который был заинтересован в продолжении русско-шведской войны. Швецию как сильного союзника хотели заполучить в начале войны за испанское наследство оба враждавших лагеря. Но в первое десятилетие XVIII в. многим в Европе казалось,

что Карл XII примет сторону Людовика XIV. В феврале 1707 г. Мальборо писал Хейнсиусу: «Король Швеции имеет намерения помешать успехам Империи, опасения венского двора велики, да и я склонен разделить их». Поэтому он был заинтересован в отвлечении шведских сил от западноевропейского театра военных действий, и приложил все усилия к тому, чтобы мнение королевы и парламента склонилось не в пользу Петра I⁴⁰. Впрочем, победа русской армии под Полтавой 1709 г. положила конец надеждам французского монарха на выступление Карла XII против императора, которое могло повернуть в пользу Франции ход войны. Результаты этого сражения не только изменили баланс сил в Восточной Европе, но и подвели черту под призрачной возможностью восстановления гегемонии Франции в Западной Европе.

После Бленхайма Людовик XIV был отнюдь не сломлен. В 1705 г. вновь казалось, что чаша весов в войне заколебалась в его пользу. Так в июне 1705 г. французы пресекли все попытки союзных войск к вторжению в Шампань. Но параллельно с временными неудачами в Германии довольно успешно развивалась союзная кампания в Испании. В октябре 1705 г. граф Питерсбург завоевал Барселону и ряд других каталонских городов, а граф Галвей с португальцами «повел» эрцгерцога Карла к Мадриду, и тот вскоре будет там провозглашен королем под именем Карла III. Правда, продержался тот во враждебно настроенной столице Испании недолго. По сути, не только дипломатия Людовика XIV, таланты маршалов Бервика и Вандома спасли Испанию, но и упорное сопротивление ее населения «незаконному», с его точки зрения, монарху, чужаку, завоевывавшему трон на штыках иностранных армий. К чести Филиппа V Бурбона надо заметить, что в Испании его скоро полюбили за не свойственные его возрасту (ко времени занятия трона ему было 17 лет) выдержанку, бесстрашие и самостоятельность в принятии многих решений⁴¹.

Кампания 1706 г. в Испанских Нидерландах в целом проходила удачно для Мальборо и союзников, а для Франции этот год был «верхом несчастий». Было выиграно несколько сражений, отвлекших значительную часть французских сил от Испании и Италии. 23 мая 1706 г. Мальборо одерживает у местечка Рамильи во Фландрине свою вторую военную победу при поддержке того же Евгения Савойского. В этой битве маршал Вильяра и курфюрст Макс-Эммануэль потеряли около 10 тыс. человек, 5 тыс. было взято в плен, и около 1 тыс. дезертировало. В итоге весь Брабант перешел к союзникам за неделю. Глава кабинета Харли заметил по этому поводу: «Эта славная победа имела успешное продолжение, а милорд Мальборо за 5 дней совершил то, что мы бы сделали за 4 года. Он принес радость своим друзьям, и горе врагам»⁴². Параллельно талантливый Вандом все же выиграл битву в Северной Италии и осадил Турин, который 7 сентября спас Евгений Савойский. По результатам кампании 1706 г. французский король впервые попытался прощупать почву для мирных переговоров. Но предложенные Сент-Джоном его секретарю Торси условия (отказ от претензий на Испанские Нидерланды, Милан, испанские владения в Америке, отказ Филиппа Бурбона от испанской короны в пользу Карла Габсбурга) были с возмущением отвергнуты. Моральные и материальные ресурсы Франции и ее монарха, казалось, были неисчерпаемы.

В 1707 г. состоялось важное совещание между Мальборо, Хейнсиусом и принцем Евгением, на котором были определены цели ведения войны на различных театрах военных действий. Но как будто чередование побед и поражений стало правилом в этой войне! Теперь многим было ясно, что Испанцы предпочитают французов, а Карл III в Мадриде долго не продержится. Для союзников война в Испании превратилась в фиаско и пустуютрату ресурсов. 25 апреля 1707 г. в битве при Альмансе (Юго-Восточная Испания) лорд Галвей потерпел поражение от войск Бервика. В начале августа Мальборо сосредоточил англо-голландский флот вместе с имперско-савойскими войсками под Тулоном. Атака города прошла для союзников неудачно, 22 августа они были вынуждены снять осаду. После этих неудач в сентябре

1707 г. ставший открытым противником Мальборо лорд Харли сказал, что «Англия так погрязла в войне, что с готовностью отвергнет добрый мир». Харли и Сент-Джон потребовали, чтобы английские войска к концу года ушли из Испании и сосредоточились во Фландрии, где бы дали решающую битву⁴³.

Все эти неблагоприятные внешние обстоятельства способствовали тому, что в зимний парламентский период 1707/1708 гг. Мальборо и вигам пришлось выдержать настоящую битву, начатую тори под руководством Харли и Сент-Джона. На фоне парламентской критики верховного командования последние решили настроить королеву против вигов. Доверенное лицо Харли прелестная фрейлина Абигайль Хилл постепенно вытесняла Сару Чичиль из души королевы Анны. С помощью Абигайль тори попытались уже тогда изгнать из кабинета Годолфина, вигских министров Сомерсета и Пембрука, и вообще покончить с дуумвиратом. Но влияние юной Абигайль само по себе ничего не могло решить. Виги повели ответную атаку. Они достали информацию о связях Харли с французским шпионом Грэгтом, что должно было сильно задеть патриотические чувства англичан. Дважды Мальборо и Годолфин предлагали королеве убрать Харли при поддержке вигов — госсекретаря Г. Була, будущего военного министра Р. Уолпола и спикера Дж. Сmita. Но, несомненно, победить на выборах 1708 г. Мальборо, Годолфину и вигам помог внешний фактор. Весной 1708 г. потерпело полное фиаско организованное Людовиком XIV якобитское вторжение в Шотландию, в котором участвовали Претендент и 6 000 французов. Это событие повлияло на победу вигов на выборах в мае 1708 г. и отставку Харли и Сент-Джона⁴⁴.

Виги сформировали однопартийный кабинет, но устранение умеренных тори из правительства было их серьезной ошибкой, поскольку с этого времени они окончательно потеряли расположение королевы, несмотря на парламентскую победу. Виги и герцог Мальборо, окончательно перешедший на позиции этой партии, были настроены продолжать войну любой ценой. «Нет мира без Испании» — был их главный лозунг. Уверенность в своей правоте подогревалась еще тем, что кампания 1708 г. принесла полный успех. 11 июля Мальборо и принц Евгений одерживают очередную крупную победу при Оденарде. Значительные военные успехи были достигнуты в Италии (Неаполь перешел к Карлу III), союзные силы вторглись в Бургундию, прусская армия прочно обосновалась в Седане. Война распространилась на французскую территорию, а казна Людовика XIV была почти истощена⁴⁵. Войска Мальборо расположились на зимние квартиры в Брюгге и Генте.

Под влиянием военных и политических побед лидеры вигов и сам Мальборо, основательно оторвавшийся от внутренних дел, стали терять способность адекватно реагировать на события. Внутриполитическое положение Англии в 1709—1710 гг. отличалось ростом недовольства политикой правительства.

Между тем, Людовик XIV, чтобы избежать полного поражения, стал серьезно задумываться о мире. К такому решению его подтолкнула «грозная зима» во Франции 1708/1709 гг., когда мороз достигал 20 градусов, в результате чего весной разразился тяжелейший экономический кризис, вызвавший волнения и грабежи по всему королевству. За один только февраль в Париже умерло 24 тыс. человек. Впрочем, эти бедствия почти не мешали развлечениям в Версале — балы устраивали каждые два дня. Но под блестящей видимой беззаботностью все же не удавалось скрыть ужас, болезни и смерть. Во французских церквях часто звучала молитва: «Отец наш, прости врагам, разорившим страну нашу, но не генералам, что допустили их до этого...» Чаще всего основную причину своих бедствий французы усматривали в «некоронованной королеве Франции» мадам де Ментенон, по их мнению, втянувшей короля в войну. В одной из песенок тех лет звучало: «Из-за этой старой шлюхи мы дошли до голода!» Сама же Ментенон уже с конца 1706 г. уговаривала Людовика пойти на переговоры, а в 1708 г. ее поддержал даже храбрый Виллар: «Нам нужен мир любой ценой»⁴⁶.

Тогда же французский король официально предложил Англии и ее союзникам начать мирные переговоры. Предложения противника вызвали ожесточенную полемику в парламенте, а виги пошли на сознательный срыв переговоров в Гааге, где друг другу противостояли герцог Мальборо и Торси. В мае 1709 г. Франции были представлены в виде ультимата «предлиминарии» союзников, среди которых значились следующие: Карл Габсбург должен стать испанским королем; Людовик XIV признает протестантское престолонаследие в Англии и ее права на Ньюфаундленд и Дюнкерк; границы Франции устанавливаются согласно условиям Вестфальского мира 1648 года. Конечно, эти предложения выглядели заведомо неприемлемыми для французского короля за исключением английского вопроса. Торси пытался, даже с помощью прямого денежного подкупа Мальборо, пойти на ряд весьма унизительных для Франции условий, но не в вопросе об Испании и французских границах. К тому же сами испанцы были категорически против окончания войны таким образом. В результате, как и ожидал Мальборо, Торси был вынужден отвергнуть «предлиминарии», и война была возобновлена. Единственное, что удалось французскому министру на личных переговорах с Хейнсиусом, так это заключения тайного договора о государственных границах между Голландией и Францией в октябре 1709 года. Но еще в июле Мальборо заметил Хейнсиусу: «Должен признаться, что если бы я был на месте короля Франции, я скорее пожертвовал бы ресурсами своей страны, чтобы объединить войска и форсировать мои гарнизоны»⁴⁷. Разумеется, это совпадало с его собственными желаниями.

В Англии поведение Мальборо в Гааге вызвало глубокое возмущение: главнокомандующего обвинили в том, что он нарочно затягивает войну ради выгод собственного кармана. Оппозицию возглавили Харли и Сент-Джон, фактически подготовившие условия для прихода тори к власти. Своими речами в парламенте они инспирировали массовые выступления низов Лондона против войны. Непопулярность вигского правления особенно усилилась в связи с так называемым «делом Сечверелла». 5 ноября 1709 г. проповедник Генри Сечверелл в соборе Св. Павла провозгласил «божественное право» королей, осудил принципы Славной революции и политику вигов. Правительство призвало его к ответу за оскорблении конституции и клевету на министров. Процесс в палате лордов над Сечвереллом, признанным виновным, имел широкий резонанс. В глазах уставших от войны англичан проповедник предстал мучеником и жертвой злоупотреблений вигов-министров. 10 800 экземпляров его запрещенной проповеди мгновенно разошлись по всей стране. Виновника процесса везде встречали колокольным звоном и иллюминацией, восторженная толпа носила его на руках. Это дело окончательно подорвало доверие к вигским министрам и парламенту⁴⁸. Даже новые победы своего славного главнокомандующего англичанам уже не были нужны, поскольку к 1708 г. угроза безопасности Англии и протестантскому престолонаследию была устранена. Падение вигского кабинета стало вопросом времени.

Понимали ли это Мальборо и его сторонники? Скорее всего, да. Потом, теперь для Англии война продолжалась в интересах политиков и дельцов, преследующих свои личные цели. Может, она отвечала честолюбивым устремлениям герцога, желавшего быть вечным триумфатором и первым лицом в королевстве? Возможно. Как возможно и то, что Мальборо уже трудно было остановиться и найти выход из создавшегося положения. Он слишком долго находился вне дома, был первым человеком на континенте, на равных общавшимся с коронованными особами и зачастую диктовавшим им свои условия. Кем станет он, окончательно возвратившись в Лондон? Размышления о том, что будут потеряны столь удобные возможности для стремительного обогащения, также были не последними для него в ряду причин для продолжения военных действий. Представляется также вероятным наличие у Мальборо определенного чувства долга перед союзниками и, не исключено, сильных имперских амбиций, желания на место Франции в Европе после войны возвести Англию.

12 июня 1709 г. Мальборо писал Годолфину. «Я продлеваю конец войны... Мои желания и обязанности остаются теми же, что и раньше»⁵⁰. Три месяца спустя, 11 сентября, он одержал свою последнюю победу при Мальпаке. Силы герцога и принца Евгения теперь значительно превосходили противника, что во многом предрешило исход битвы, хотя французы под командованием Виллара и Буффлера сражались отчаянно. В битву была брошена вся французская военная элита, старые полки, швейцарская гвардия. Это обусловило особенность этого сражения, фактически состоявшего из нескольких отдельных столкновений. Мальборо со своим 110-тысячным войском выиграл битву у 70 000 солдат Виллара. Союзники ушли с поля боя после французов, но стали номинальными победителями. День спустя Мальборо писал лорду Тауншendу: «Полагаю, обе стороны потеряли сейчас больше убитых, чем во всех сражениях этой войны». Так или иначе, по итогам этой «пирровой» победы союзники потеряли 25 тыс., французы — 15 тыс., а самого Мальборо на родине стали называть «мясником». Болингброк заметил госсекретарю Боулу: «Положение нашего государства немногим лучше, чем у противника. Мир в интересах всех». Мальборо и виги, напротив, некоторое время находились в эйфории, говорили о «решающем ударе», о том, что «Англия может иметь мир, какой пожелает», что «Мальплак уничтожил французский дух, и теперь можно уничтожить саму Францию»⁵¹. Были ли союзники действительно победителями? Известная народная песенка «Мальбрук в поход собрался», использованная А.С. Пушкиным, появилась именно после этого сражения. Ф. Блюш, отразивший, в принципе, мнение французских биографов Людовика XIV, считает, что битва при Мальплаке «ознаменовала собой (в какой-то степени) конец победоносной стратегии непобедимого до сих пор Мальборо»⁵². Если это и был успех, то он имел свои положительные результаты для Англии и антифранцузской коалиции, но только не для Мальборо. Не как полководец, а как политик, он был близок к падению.

К 1710 г. все ресурсы Английского банка были уже исчерпаны. Государственный долг вырос до невероятных размеров, так как еще в 1709 г. голландцы объявили себя неплатежеспособными, а финансирование войны достигло 20 млн фунтов в год. Королева испытывала головную боль при виде попавшегося ей на глаза вига, а тори, используя настроения в обществе, развернули активную пропаганду в прессе и при дворе. Кузина супруги Мальборо Абигайль Хилл (Мэшэм) теперь окончательно оттесняет на задний план Сару и становится официальной фавориткой Анны. Абигайль находилась в тесных связях с Харли и Сент-Джоном, а ее родной брат Джек служил в союзных войсках в Испании. В 1707 г. Абигайль вышла замуж за офицера С. Мэшэма, познакомившись с ним через брата. Принятый при дворе красивый Мэшэм обратил на себя внимание старой и болезненной королевы и стал быстро делать военную карьеру. Анна, следя советам Абигайль, продвигала его в армии в пику Мальборо. Параллельно торийская пресса кричала о том, что война ведется исключительно в интересах дуумвиров, что сила «нового Кромвеля» может стать неконтролируемой, если в стране сохранится влияние вигов»⁵³.

Годолфин забил тревогу. Прибывший в Англию Мальборо поначалу был вовлечен в бесплодные и только обострившие ситуацию диспуты между королевой и Сарой, стремившейся вернуть свое влияние. Но тщетно. 8 августа 1710 г. Годолфин теряет свой пост лорда-канцлера, в сентябре Харли назначен лордом-казначеем (в мае 1711 г. он станет лордом-канцлером), а Сент-Джон, получивший титул виконта Болингброка, — государственным секретарем. На выборах в парламент в октябре того же года тори получают 151 место. Французский король воспринул духом, и не зря: согласно инструкциям Харли граф Джерси начал переговоры с агентом Торси аббатом Готье. Мирные инициативы тори уже давно были готовы⁵⁴.

В 1710 г. герцог еще имел беспрекословную поддержку в армии, но не в парламенте и кабинете, в котором произошла смена власти. Мальборо без энтузиазма смотрел на мирные предложения тори, желая продолжить кампанию в Испании, где перед тем союзники потерпели поражение от герцога

Вандома. К нему даже поступали предложения войти в новое министерство, но главнокомандующий не принял их и попытался сорвать мирные переговоры в Гертруденберге. В результате он подвергся атакам со стороны правительства и потерял расположение при дворе. В Англии развернулась настоящая идеологическая война между сторонниками и противниками мира. Пропагандистским рупором Мальборо и вигов стал Хэз, прибывший в Лондон из Брюсселя, где тогда расположилась союзная армия, и начавший с этого времени активную жизнь публициста. В начале 1711 г. он опубликовал патриотический трактат «Переговоры о заключении мирного договора...», фактически явившийся панегириком английскому полководцу и политику. В этом сочинении отмечалось, что «ничего нет более абсурдного, чем обвинять в желании затягивать войну человека, который лучше всех исполнял наши желания... Милорд Мальборо был склонен... взять на себя всю ответственность на переговорах. Это плохая роль для человека, который возглавил Союз, и худшее, что герцог мог сделать для себя лично». Трактат был полон яростных атак на тори, которых Хэз называл не иначе, как «якобитами» и «сообщниками французов». Несомненно, это была ответная реакция на «нового Кромвеля». В итоге автор приходит к выводу, что «ничто так не поможет достичь хорошего мира, как добрая война»⁵⁵.

Неопределенная атмосфера как на мирных переговорах, так и в общественном мнении Англии разрядилась со смертью императора Священной Римской империи Иосифа I 17 апреля 1711 г. и переходом имперской короны к его брату эрцгерцогу Карлу (ставшему императором под именем Карл VI). В связи с этим необходимо было создать новый идеологический базис для дальнейшего развития международной ситуации. Ведь формула баланса сил являлась центральным фактором внешнеполитической концепции Вильгельма III и ориентировалась на «европейский концепт» как сбалансированную систему суверенных государств, религиозную терпимость и расширение торговых связей. Концепция баланса сил издавна отводила Англии роль арбитра между Габсбургами и Бурбонами. Нынешняя же смерть Иосифа I поставила Великобританию в сложную ситуацию: по сути, она завоевывала для нового императора еще и испанский трон. В Европе вновь возник призрак Империи Карла V Габсбурга в XVI в., поскольку нарушение баланса сил в случае утверждения на престоле в Мадриде Карла III становилось очевидным. Даже Мальборо признал этот факт в письме к Годолфину от 11 мая 1711 г.: «Смерть императора повлекла за собой значительные изменения... что касается Испании, то здесь придется многое решить заново, или мы столкнемся с большими трудностями»⁵⁶. Поэтому в новых условиях английское правительство стало ориентироваться на установление европейского равновесия путем утверждения династии Бурбонов в Мадриде. Фактически именно 1711 г. означал выход Англии из антифранцузского союза. Важным было и то, что страна в экономическом отношении была существенно ослаблена, политическая общественность устала от войны, да и благодаря миру с Францией можно было ожидать нового подъема торговли. Непосредственная угроза протестантскому престолонаследию была снята, а вот угроза новой габсбургской гегемонии в Европе стала реальностью. Поэтому переговоры вступили в новую фазу, мирные инициативы англичан и голландцев в лице Болингброка и Хейнсиуса стали более удобными для французов, а изменение в соотношении сил стало важным аргументом оправдать заключение мира перед немецкими союзниками и отход от них. Последние же были явно не согласны с подобным поведением, считая уступки в испанском вопросе предательством. В конце апреля 1711 г. аббат Готье возвратился в Лондон с конкретными конечными контрпредложениями французской стороны на счет территориальных изменений в Европе, торговых привилегий Англии и статуса Испанских Нидерландов. А Мальборо по-прежнему продолжал оставаться на милитаристских позициях, хотя его силы и влияние были уже на исходе. Он уже не считался главой Союза, а только командующим британскими и голландскими войсками в Нидерландах. Не принесшая особых успе-

хов военная кампания 1711 г. только ослабила его позиции. Мальборо уже сам ощущал усталость от войны, хотя не признавался в этом. Он считал англо-французские прелиминарии предательством национальных интересов и пренебрежением к тому, чего он достиг своими победами. Его поддерживали Уолпол, отец и сын Годолфины, Хэз и, конечно же, жена, создавшие группу Холиуэлл (Holywell), начавшую в прессе кампанию за демонтаж торийского правительства, обвинив его в том, что предполагаемый мир — часть нового якобитского заговора. Хэз писал тогда: «Более оправдана война, чем скандальный и небезопасный мир»⁵⁶.

В ответ торийское правительство ограничило свободу оппозиционной прессы, введя цензуру на ряд изданий. А 7 декабря 1711 г. королева Анна произнесла в парламенте гневную речь против своего командующего армией и вигов. Харли, отныне уже граф Оксфорд, вновь стал настаивать на отставке Мальборо и суде над ним. Однако этот шаг необходимо было юридически обосновать, и на парламентской сессии 22 декабря 1711 — 17 января 1712 гг. «дело» герцога рассматривалось специально. Мальборо обвинили в непомерной жадности и любви к деньгам, растрате средств, выделяемых на военные цели, сговоре с поставщиками оружия и амуниции, получении крупных денежных подарков как от союзников, так и от противников. Было подсчитано, что главнокомандующий за 10 лет получил от оптовых поставщиков для армии 63 тыс. ф. ст., и что в его карман шло 2,5 процента от сумм, выплаченных английским казначейством на содержание иностранных войск в Европе. Королева поручила генеральному прокурору возбудить против Мальборо судебное дело, чтобы вернуть хоть часть денег. Ведь помимо этого он и его жена получали из казны ежегодно 64 325 ф. ст. Уже немолодой и страдающий подагрой Мальборо нашел в себе силы для активной защиты, а его оправдания мгновенно получили огласку и были изданы отдельной брошюрой. Герцог признался, что он был единственным контролером расходования финансов в эту войну, и поэтому, по его мнению, реального положения вещей никто не знает. Между тем то, что он брал 2,5 процента от общих сумм для себя, было установлено еще Вильгельмом Оранским, остальное же уходило на наем войск, на подкуп тех же союзников (175 тыс. ф. ст.), а что же касается так называемых «подарков», то они тоже расходовались на военные нужды. Получение взяток от Торси он отрицал, как скрывал и то, откуда взялись деньги на королевское убранство дворца Бленхайм, самые дорогие и красивые при дворе наряды его жены Сары и огромное приданое дочерям⁵⁷.

Мальборо был не один. В парламенте в его защиту выступали герцоги Сомерсет, Гамильтон, при дворе — принц Евгений, в прессе — Хэз. 5 января 1712 г. Евгений Савойский прибыл в Лондон (конечно, здесь не обошлось без инициативы императора Карла VI) и демонстративно остановился в доме своего военного соратника и друга. Королева пришлось устроить бал в честь принца, на который были приглашены виги, и дать аудиенцию Евгению. Несмотря на то, что имперскому полководцу были оказаны все знаки глубочайшего уважения, его миссия в защиту Мальборо и параллельно переговоры о продолжении войны не удались. «Визит принца Савойского был последней надеждой, которую потеряли враги мира в Утрехте», — отметили тогда многие английские газеты⁵⁸. Тем не менее, для торийского кабинета это были тяжелые дни, поскольку правительство опасалось проявления народной симпатии к победителю-принцу, а вместе с ним — к Мальборо и вигам. Хэз же постоянно публиковал панегирические статьи в различных изданиях. В них особо отмечался почти спартанский стиль жизни герцога на войне: «Какой разительный контраст по сравнению с образом жизни Великого монарха (т. е. Людовика XIV) является нам главнокомандующий! Ни любовниц, ни актеров, ни даже историков». «Исключая капеллана, доктора Хэза», — впоследствии добавит к этой фразе английский премьер У. Черчилль⁵⁹. Думается, в этом аспекте и Хэз, и Черчилль действительно были правдивы. Мальборо был скорее непомерно честолюбив, чем непомерно алчен. Его алчность была производной от честолюбия, а не наоборот. Относительно ос-

тального можно только сказать — война есть война, и поведение командующих армиями того времени чаще всего отнюдь не являлось безупречным. Тем не менее уже задолго до окончания парламентской сессии, 29 декабря 1711 г. Анна подписала отставку герцога, а 31 декабря он был официально смешен со всех своих постов. Одновременно велось массивное пропагандистское наступление на Мальборо со стороны тори. Анонимные памфлеты такого рода были тогда повсеместным явлением: «Где наши свободы и права, если нечем платить и не на что жить? Все ушло Ему на подарки, и ни его руководство, ни его храбрость не могут возвратить погибших солдат». Особенно же популярен стал памфlet, где Мальборо изображается как жирный и дерзкий кот королевы Анны, которого бы следовало напугать парламентской собакой⁶⁰. В нападках на герцога правительство поддержали известные английские просветители Дж. Свифт и Д. Дефо, считавшие, что народ уже изрядно устал от войны, а Англия достигла своих политических целей. К примеру, Свифт в «Examiner» отмечал, что «его (т. е. Мальборо) завоевания финансировались хлебом половины его солдат». Дефо же в письме к графу Оксфорду писал: «Я надеюсь, Бог направит Мидорда принять необходимость отставки и разоблачения человека-идола. Ведь он претендует на самое великое»⁶¹.

Однако на деле в самых широких кругах английского общества, в том числе и среди народа, отставка популярного и непобедимого главнокомандующего вызвала неподдельное удивление. Он уже стал идолом, желали этого его противники, или нет. Среди торийских министров были даже опасения, что виги способны поднять восстание. Поэтому Болингброк в палате общин выступил против его заключения в Тауэр и освобождения от всех регалий. Зато глава вигов Уолпол был обвинен в коррупции во время выполнения своих функций военного министра в 1708—1710 гг. и посажен в Тауэр на пять месяцев. Так Мальборо уже тогда фактически начал становиться легендарной личностью. По-прежнему уверенный в своей силе и влиянии, Мальборо после парламентского «судилища» уезжал из Англии сначала в Антверпен, затем в Ганновер, и после во Франкфурт-на-Майне. Он до последнего стремится помешать переговорам в Утрехте при помощи императора и ганноверской курфюрстины Софии, сын которой Георг служил под его началом в союзных войсках. На родине Хэз так комментировал его деятельность: «Дело Европы Вы сделали своим собственным. Многие у нас сожалеют, но не могут помочь бедному императору и остальным союзникам, оставленным Англией. Все это заставляет нас быть несогласными зрителями разворачивающегося действия»⁶².

Весной 1713 г. тори торжественно заключили с Францией Утрехтский мир, условия которого дали Великобритании ряд ощутимых политических и экономических выгод на международной арене и место в формирующейся пятерке самых влиятельных европейских держав (т. н. Пентархии). В 1714 г. в Раштатте император Карл был вынужден пойти на мир с Францией и Испанией, получив при этом немало территориальных приращений в Нидерландах и Италии. При этом не совсем «удовлетворенные» союзники не суммили обвинить торийских министров и прежде всего Болингброка — герцога Утрехтского мира — в неблагодарности по отношению к Мальборо: «Но, он, а не они, одерживал победы на континенте»⁶³.

Тем временем в Англии снова начала меняться политическая конъюнктура. Королева Анна была тяжело больна, и к концу 1713 г. в партии тори активизировалось правое крыло. В причастности к якобитскому заговору подозревали графа Оксфорда и стремившегося к посту первого министра Болингброка. 6 июня 1714 г. умирает курфюрстина София, и официальным наследником английского престола согласно «Акту о престолонаследии» 1701 г. становится ганноверский курфюрст Георг. Виги воспряли духом и развернули активную пропагандистскую кампанию, в результате чего перед смертью Анна осмелилась доверить пост главы кабинета лорду Болингброку. Первым министром стал виг — герцог Шрусбери. Примечательно, что кончина ко-

ролевы 1 августа 1714 г. совпала по времени с возвращением Мальборо на родину и провозглашением Георга I английским королем.

Новый монарх Великобритании, прошедший через горнило войны, и видевший абсолютно во всех тори якобитов, тут же подписывает указ о возвращении герцогу Мальборо его военных постов и регалий и объявляет выборы в парламент. С коронацией Георга фактически закончилось правление тори, и на выборах 1715 г. внушительную победу одержали виги. Болингброк бежал во Францию, а оказавшийся на деле мстительным Уолпол посадил таки графа Оксфорда в Тауэр точно на такой же срок, сколько сидел сам, — на пять месяцев⁶⁴.

Казалось, Мальборо мог быть удовлетворен. Но пережитая недавно борьба и личная трагедия надорвали его морально и физически. Уже довольно старый и больной герцог не мог играть хоть сколько-нибудь значительную роль в истории Великобритании. Его эра прошла, и на первый план вышли новые люди. Последние его активные действия относятся ко времени якобитского вторжения в Шотландию в 1715 г., возглавленного его племянником герцогом Бервиком. Говорят, что и тогда он не удержался и на переговорах с якобитами получил от Бервика 4 тыс. ф. ст., что, впрочем, не повлияло на печальный исход вторжения. А, может, он просто поговорил с племянником по душам?

В 1716 г. Мальборо разбил парадич, и последующие шесть лет жизни он провел затворником в своем дворце Бленхайм вдали от друзей и всего мира. Превратившись фактически в легенду, старый герцог не желал в немощном состоянии показываться на людях. Прославленный английский полководец и политик умер от апоплексического удара в 1722 г. 73 лет от роду. Он не оставил прямого наследника, но титул и владения рода Мальборо специальным актом парламента были переданы его дочери Генриэтте, от которой перешли к ее племяннику Чарльзу Спенсеру, ставшему третьим герцогом Мальборо⁶⁵.

В итоге, в анналах британской и европейской истории герцог Мальборо оставил весьма заметный след как великий полководец, незаурядный политик и человек. Характеризуя его личные качества, надо помнить, что носители ярких талантов всегда люди сложные, противоречивые и чаще всего эгоцентрические. Этот знаменитый англичанин являлся полководцем, возглавившим силы, окончательно сокрушившие имперские амбиции Людовика XIV, дипломатом, утверждавшим новые реалии в международных отношениях в Европе. Он был одним из главных государственных деятелей, утвердивших и закрепивших в Англии принципы Славной революции и протестантского престолонаследия. Наконец, Мальборо, несмотря на просчеты последних лет войны, явился одним из первых образцов современного политика, способного сообразовываться с ситуацией и менять свои политические пристрастия в целях личной выгоды и, как это часто бывает, выгоды своего государства.

Примечания

1. METZDORF J. Politik-Propaganda-Patronage. Francis Hare und die Englische Publizistik im Spanischen Erbfolgekrieg. Mainz. 2000, S. 1, 131—132, 232.
2. В Европе более распространен ее французский экземпляр: HARE F. La Conduite De Son Altesse Le Prince Et Duc de Marlborough Dans la Presente Guerre, Avec Plusiers Pièces Originales Traduite Anglois. Amsterdam. 1712.
3. METZDORF J. Op. cit., S. 444.
4. Ibid., S. 437; BURNET G. The History of His Own Times. Lnd. 1903; BUTTERFIELD H. The Whig Interpretation of History. Lnd. 1931, p. 18, 50.
5. CHURCHILL WINSTON S. Marlborough, sa Vie et son Temps. T. I—III. P. 1967.
6. Цит. по: METZDORF J. Op. cit., S. 422—424.
7. Наполеон. Избранные произведения. М. 1956, с. 672.
8. BURTON I.F. The Captain-General. The Career of John Churchill, Duke of Marlborough from 1702 to 1711. Lnd. 1972; THOMSON G.M. The First Churchill. The Life of John, 1st Duke of Marlborough. Lnd. 1979; COWLES V. The Great Marlborough and His Duchess. Lnd. 1983; ROTHSTEIN A. Peter the Great and Marlborough. Politics and Diplomacy in Converging Wars. N.Y. 1986; CHANDLER D. Marlborough as Military Commander. Lnd. 1989; JONES J.R. Marlborough. Cambridge. 1993.

9. SCHMIDT H. Prinz Eugen und Marlborough. — Prinz Eugen von Savoyen und seine Zeit. Freiburg, Wurzburg. 1986, S. 144.
10. Цит. по: BURTON I.F. Op. cit., p. 3—4.
11. SCHMIDT H. Op. cit., S. 144.
12. Ibid., S. 146.
13. Цит. по: ТРУХАНОВСКИЙ В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М. 1968, с. 6, 7.
14. JONES J.R. Op. cit., p. 45—91.
15. THOMSON G.M. Op. cit., p. 64.
16. The Marlborough-Godolphin Correspondence. Vol. I. Oxford. 1975, p. 57, 76; Vol. II, p. 205; COWLES V. Op. cit., p. 70—81.
17. THOMSON G.M. Op. cit., p. 64—66.
18. BURNET G. Op. cit., p. 30; Cobbet's Parliamentary History of England. Vol. V. Lnd. 1809, p. 108—111; PINKHAM L. William III and the Respectable Revolution. Cambridge (Mass.). 1989, p. 7; English Historical Documents. Vol. V. Lnd. 1953, p. 57—58.
19. Anglo-Dutch Moment. Essays on the Glorious Revolution and its World Impact. Cambridge. 1991, p. 481—485.
20. BURNET G. Op. cit., p. 24.
21. SCHMIDT H. Op. cit., S. 146.
22. JONES J.R. Op. cit., p. 75, 77—78.
23. The Marlborough-Godolphin Correspondence, Vol. I, p. 7—8.
24. Archives ou correspondance inédite de la Maison d'Orange-Nassau. 1700—1702. Leide. 1909, p. 210, 216, 546—553, 556—558, 588, 675; ГУРЕВИЧ Я.Г. Происхождение войны за испанское наследство и коммерческие интересы Англии. СПб. 1894, с. 128—130.
25. DUCHHARDT H. Krieg und Frieden in Zeitalter Ludwigs XIV. Dusseldorf. 1987, S. 33—35, 37.
26. The Marlborough-Godolphin Correspondence. Vol. I, p. 101.
27. БОЛИНГБРОК. Письма об изучении и пользе истории. М. 1978, с. 283.
28. Anglo-Dutch Moment, p. 392, 396.
29. The Correspondence 1701—1711 of John Churchill 1st Duke of Marlborough and Anthonie Heinsius Grand Pensionary of Holland. The Hague. 1951, p. 11.
30. БОЛИНГБРОК. Ук. соч., с. 126.
31. БЛЮШ Ф. Людовик XIV. М. 1998, с. 661—662; METZDORF J. Op. cit., S. 108—109.
32. The Correspondence 1701—1711 of John Churchill, p. 115.
33. The Marlborough-Godolphin Correspondence. Vol. I, p. 302; METZDORF J. Op. cit., S. 1, 107, 117.
34. SCHMIDT H. Op. cit., S. 144, 147.
35. The Marlborough-Godolphin Correspondence. Vol. I, p. 335, 337.
36. SCHMIDT H. Op. cit., S. 151—153; ШАНДЕРНАГОР Ф. Королевская азлея. Воспоминания Франсуазы д'Обинье, маркизы де Ментенон, супруги короля Франции. М. 1999, с. 483.
37. METZDORF J. Op. cit., S. 109—110.
38. Ibid. S. 111; ТРУХАНОВСКИЙ В.Г. Ук. соч., с. 9.
39. K.O. VON ARETIN. Das Reich. Friedensordnung und Europäisches Gleichgewicht 1648—1804. Stuttgart. 1992, S. 232; COWLES V. Op. cit., p. 125.
40. The Correspondence 1701—1711 of John Churchill, p. 300; МОЛЧАНОВ Н.Н. Дипломатия Петра Великого М. 1991, с. 88—89.
41. KAMEN H. The War of Succession in Spain. 1700—1715. Lnd. 1969, p. 12—13, 17.
42. Цит. по: METZDORF J. Op. cit., S. 115; The Marlborough-Godolphin Correspondence. Vol. II, p. 565, 547.
43. KAMEN H. Op. cit., p. 24; METZDORF J. Op. cit., S. 136.
44. The Marlborough-Godolphin Correspondence. Vol. II, p. 943—944, 950.
45. METZDORF J. Op. cit., S. 138; БЛЮШ Ф. Ук. соч., с. 627—628.
46. Lettres de Princesse Palatine. P. 1981, p. 268; ШАНДЕРНАГОР Ф. Ук. соч., с. 488, 495—501.
47. The Correspondence 1701—1711 of John Churchill, p. 445; METZDORF J. Op. cit., S. 141.
48. ЛАБУТИНА Т.Л. У истоков европейской демократии. М. 1994, с. 42.
49. The Marlborough-Godolphin Correspondence. Vol. III, p. 81.
50. Ibid., p. 111, 112—113; METZDORF J. Op. cit., S. 142—144
51. БЛЮШ Ф. Ук. соч., с. 639.
52. BURTON I.F. Op. cit., p. 162—170.
53. The Marlborough-Godolphin Correspondence. Vol. III, p. 271—289.
54. HARE F. The Negotiations for a Treaty of Peace, from the Breaking off of the Conference at the Hague, to the End of those at Gertrudenberg, considerd in a Fourth Letter to a Tory Member. Part II. Lnd. 1711, p. 44, 65, 78.
55. The Correspondence 1701—1711 of John Churchill, p. 1665.
56. METZDORF J. Op. cit., S. 285—287.
57. DEFENSE DE S.A. Le Prince et Duc de Marlborough. Traduit de l'Anglois. Amsterdam. 1712, p. 3, 6—7, 21.
58. Например: The Post Boy. Nr. 2602. 12—15 January 1712.
59. CHURCHILL W.S. Op. cit. T. I, p. 413.
60. ANONYMUS. The Grand Enquiry, or What's to be done with him. Lnd. 1712, p. 3; ANONYMUS. A Fable of the Widow and her Cat. 1712, p. 1.
61. METZDORF J. Op. cit., S. 422, 425.
62. Ibid., S. 458.
63. JONES J.R. Op. cit., p. 239.
64. HATTON R. Georg I. Ein deutscher Kurfürst auf dem englischen Thron. Frankfurt a/M. 1982, S. 118—184.
65. JONES J.R. Op. cit., p. 389—401.